

Вдруг он услышал, как что-то зашевелилось в траве рядом. Хуа Ту мгновенно замер, боясь, что свет фонаря привлечёт зверя, поэтому он не включил его. Свет становился всё тусклее, и он уже почти ничего не видел. Он пытался обмануть себя: если я его не вижу, значит, оно меня тоже не видит. Он не двигался, и звуки в траве прекратились, странные крики тоже стихли. Внезапная тишина вызвала у него мурашки по коже. Ему казалось, что за ним кто-то следит, как кот, затаившийся перед прыжком на мышь, готовый в любой момент наброситься.

Сердце Хуа Ту бешено колотилось. Он затаил дыхание, медленно повернул голову и увидел что-то блестящее в глубине травы, зловещий зелёный свет. Он резко включил фонарь.

[Ух~ух!] — существо с зелёными глазами, оскаленными клыками и поднятыми лапами с длинными когтями издавало странные звуки.

[О!] — визуальный эффект был настолько сильным, что Хуа Ту даже не закричал, а только выдохнул и бросился бежать.

Рюкзак на спине мешал, но у него не было времени его снять. Слыша за спиной тяжёлое дыхание, он чувствовал, что ещё мгновение — и он окажется в пасти чудовища. Он бросил фонарь назад в сторону монстра.

Снова послышались странные звуки [ух-ух]. Хуа Ту не останавливался, задыхаясь, он кричал:

— Я встретил монстра в районе Линнань! Он выглядит странно, как инопланетянин!

Его видеочасть всё ещё была включена, и всё, что он говорил, и происходящее вокруг, записывалось. Хуа Ту был уверен, что умрёт здесь, и эта камера — единственное доказательство его гибели. Он пришёл сюда ради журналистского расследования, и, возможно, погибнет на службе, посвятив свою жизнь новостям.

— Репортёр агентства «Юйсинь»...

Он глубоко вдохнул и, делая широкий шаг, изо всех сил крикнул:

— Хуа Ту!

[Ах!] — Хуа Ту шлёпнулся на землю. Он инстинктивно хотел оглянуться, но краем глаза увидел, как тень нависла над ним. Он закричал, прикрывая голову руками, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он лежал, прижавшись к земле, и ждал боли, но её не было. Зверь не укусил его? Он хотел убрать руки и посмотреть, что происходит, но его ногу [схватили] и потянули назад.

[А~а!] — Хуа Ту трясся всем телом. Конец, конец, ногу проглотили вместе с обувью. Он трясся, пока почти не выбился из сил, и вдруг понял, что что-то не так. Он был так напуган, что даже не чувствовал боли в ноге, но заметил огонь рядом. Он повернул голову и увидел группу людей. Оглянувшись, он понял, что его ногу держал человек, и до сих пор держал, поднимая высоко.

Хуа Ту, не обращая внимания на это, увидев, что вокруг люди, а чудовища нет, с облегчением упал на землю и зарыдал.

Человек, державший его за ногу, удивлённо посмотрел на него, затем отпустил. Нога Хуа Ту упала на землю. Он сел, обхватив ногу, и хотел упрекнуть человека за то, что он чуть не довёл его до инфаркта, но, подняв глаза, встретил презрительный взгляд.

Он встал, не замечая, что одна лямка рюкзака соскользнула на руку. Он с недовольством крикнул:

— Зачем ты так дёргал мою ногу? Ты чуть не вывихнул её! И что это за взгляд?

Человек просто смотрел на него, сделав шаг вперёд. Хуа Ту инстинктивно отступил на несколько шагов. «Если враг наступает — отступай, если отступает — наступай». Этот человек был высоким и крепким, с кожей темнее, чем у Гу Туна, явно любил интенсивные тренировки на солнце. После всего, что произошло, ноги Хуа Ту были как ватные, и он точно не мог бы дать отпор. К тому же, вокруг были его люди, и в случае драки Хуа Ту оказался бы в меньшинстве.

Человек смотрел на него с тем же презрением, затем повернулся к своим и сказал:

— Гаху илулу.

— Что... что это было? — Хуа Ту, всё ещё в шоке от встречи с монстром, теперь услышал незнакомый язык и вспомнил, что здесь много местных жителей. Район Линнань, хоть и не принадлежит никому, в сознании людей считался территорией аборигенов.

Человек, только что унизивший Хуа Ту, сел на лошадь. Двое местных подошли и схватили Хуа Ту за руки. Они выглядели как подростки лет четырнадцати-пятнадцати, но их мышцы были слишком заметны.

— Что вы делаете? Отпустите меня! — Хуа Ту отчаянно вырывался, чувствуя, как будто только что вырвался из пасти волка и попал в лапы тигра. Он слышал, что образ жизни этих людей очень примитивный, суперпримитивный. Неужели они собираются его сварить?

— Если вы хотите меня съесть, хотя бы дайте позвонить домой, чтобы оставить последние слова. Пусть я услышу голос отца или друга. Если и это не позволите, вы просто бесчеловечны. Подождите, подождите! Моя видеокамера пропала, помогите её найти.

Хуа Ту не переставал кричать. Двое детей рядом заткнули уши. Один из них, видя, что Хуа Ту всё равно не сбежит, отпустил его и хлопнул другого по руке. Тот выглядел недовольным.

— Что это за поведение? Вы меня презираете? У меня характер! Я...

Хуа Ту пытался вырваться, но безуспешно.

Хуа Ту спотыкался и падал несколько раз, пока наконец не остановился. Он наклонил голову, чтобы посмотреть вперёд, и увидел два больших костра, расположенных по бокам от каменных ворот.

Человек, темнее Гу Туна, подошёл к нему.

— Ты всю дорогу кричал, а теперь молчишь?

— Жажда, горло пересохло.

Хуа Ту вдруг осознал что-то и выпалил:

— Ты говоришь на человеческом языке!

Увидев, как лицо собеседника потемнело, Хуа Ту сглотнул. Похоже, он сказал что-то не то.

Хуа Ту схватился за деревянные прутья клетки, прижавшись к ним, словно пытаясь вылезти между ними.

Люди вокруг разожгли костёр, на котором жарили что-то, похожее на курицу или рыбу. Хуа Ту не мог разглядеть, но он был голоден и смотрел на это, сглатывая слюну.

Вдруг перед ним появилась... почти сливающаяся с ночью грудь. Кто-то явно не понимал, что мешает. Хуа Ту поднял взгляд, раздражённо посмотрев. Это был тот самый человек, темнее Гу Туна. Хуа Ту был ростом около 180 см, ну, почти, 178 см, и считал себя довольно высоким, но рядом с этим человеком он чувствовал себя карликом.

Хуа Ту недовольно скривил губы:

— Ты загораживаешь мне обзор, брат.

Два зловещих взгляда ослепили Хуа Ту, заставив его отшатнуться. Он посмотрел на большой железный меч в руках человека, затем на тех, кто возился с костром. Они долго раскладывали дрова, видимо, собирались разжечь большой костёр.

Хуа Ту схватился за шею, забыв даже выдохнуть. Конец, конец, они собираются его зажарить!

— Может, сначала вы меня оглушите, а потом убьёте, но сделайте это быстро, одним ударом.

Он посмотрел на костёр и, с испуганным лицом, умолял:

— Пожалуйста, подождите, пока я умру, прежде чем жарить меня. Я читал новость, не знаю, правда это или нет, но, скорее всего, правда: иногда люди, которых считают мёртвыми, начинают кричать, когда их кремируют!

<http://bllate.org/book/16152/1447218>